
18+
ЧАРОМУТ
Лик Смерти
Ярослав Разумовский

Ярослав Разумовский
Чаромут. Лик Смерти. Книга первая

https://litres.ru/74959507
ISBN 9785007178051

Аннотация

«Лик Смерти» — первый роман цикла «Чаромут».

В мире, где древняя магия стала сказкой, а зло — забытой легендой, юноша из глухой деревни, отправляется на поиски похищенной княжны, чтобы предотвратить войну. Вместе с загадочным говорящим псом он вступает на путь, где ему предстоит столкнуться с людской жестокостью, забытой магией и пробудившимся воплощением самой Смерти.

Внимание! Книга содержит сцены жестокости, насилия и описания убийств. Рекомендовано для взрослой аудитории (18+).

Содержание

Часть I. Невеста, Меч и Чёрный Пёс 5
Глава I 5
Глава II 18
Глава III 45
Глава IV 62
Глава V 83
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Чаромут. Лик Смерти
Книга первая

Ярослав Разумовский

© Ярослав Разумовский, 2026

ISBN 978-5-0071-7805-1 (т. 1)
ISBN 978-5-0071-7806-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Невеста, Меч и Чёрный Пёс

Три Лика узрит земля в час своей погибели. Первый — Лик Смерти: разверзнется бездна, явив костяной оскал. Из темных нор своих выползет нечисть, гонимая голодом. И мир, содрогнувшись, падет в пучину хаоса.

— Велемира Пустоглазая, «Üm endäth tímäth: О конце времён»

Глава I

Холодная мгла предрассветья ещё цеплялась за землю, когда Богдан, накинув на плечи посконную рубаху, вышел за скрипучую калитку. Петухи молчали — до первых голосов оставался добрый час. Воздух, густой и влажный, пах прелой листвой, пробуждающейся хвоей и той особой, зелёной сыростью, что стелется по земле, лишь только сойдёт снег. Под ногами хрустел прошлогодний папоротник, а где-то в чаще, невидимая, щёлкала свиристель, будто перебирала ледяные бусины.

Он шёл проверять петли, расставленные у ручья, но мыс-

ли его витали где-то далеко — не в лесу. Семнадцать весен, а жизнь, как та тропа, утоптанная меж мхами, вела лишь от поля до околицы да обратно. Рука сама легла на корявую рукоять ножа за поясом. Шанс. Ему нужен был всего один шанс.

Внезапно тишину, звенящую, как тонкий лёд, разорвали звуки, примчавшиеся со стороны деревни: топот копыт, ржание, смутный гул встревоженных голосов. Не княжеская ли дружина? Сердце ёкнуло, предчувствуя недоброе. Богдан развернулся и побежал, ловко обходя знакомые корни и кочки.

На центральной поляне, у старого дуба, где сходились все дороги, уже толпилась вся деревня. Мужики с заспанными лицами, бабы, кутающиеся в платки, ребятня, выглядывающая из-за подолов. В центре, на взмыленном коне, стоял человек в синем кафтане с княжеской тамгой — глашатай. Рядом, неподвижные, как каменные идолы, замерли шестеро воинов в кольчугах, с секирами на плечах. От них веяло холодом дальних дорог и стали.

Богдан, ловко лавируя меж плеч, протиснулся вперёд. Глашатай, человек с жёстким взглядом и седыми усами, обвёл толпу взглядом и заговорил, и голос его рубил тишину, как топор:

— Внемлите, люди добрые! Весть нелёгкую несу от светлого князя Святограда! Окаянное лихо приключилось в стенах наших. В ночь на Красную горку похищена невеста княжича нашего, Всеслава, краса Мирослава из княжества Седогорского!

В толпе пронёсся сдержанный вздох, словно ветер качнул верхушки сосен.

— Последнее, что видели стражи у её терема, — чёрный дым, что стлался по земле, не поднимаясь к небу. Морозным дыханием сковало оно запоры, а в воздухе повис смрад серный. Не люди это учинили. Нечисть тёмная руку приложила!

Глашатай выпрямился в стременах, и слова его зазвучали медью:

— Светлый князь горевает и гневается. А посему объявляет: тому, кто отыщет княжью невесту и живую в стольный град вернёт, — щедрая награда! Мера серебра и участок земли в вечное владение! Путь будет долог и опасен. Кто сердцем смел и духом крепок — в дорогу!

Толпа загудела, как встревоженный улей. Богдан же не слышал ничего, кроме звона в собственных ушах. Земля. Своя земля. Не клочок, чтобы горбом гнуть, а надел, на котором он будет хозяином. Мысли метались, сбиваясь в один

ясный, жгучий ком: «Шанс. Мой шанс».

Шум толпы, переливавшийся тревожным гулом, внезапно раскололся. Сквозь общий гул, будто ледорубом, пробился чей-то голос — не крик, а стон, полный отчаяния и боли:

— Помогите… люди добрые, на помощь!

Богдан вздрогнул и обернулся. Взгляд его метнулся по лицам — испуганным, любопытным, равнодушным. Никто, казалось, не звал. Бабы продолжали шептаться, мужики — чесать затылки. А голос звучал снова, надтреснутый и явственный:

— Освободите… не дайте на поругание!

И тут взгляд Богдана упал на телегу, ковылявшую по краю толпы. Её тащили двое — и от вида их по спине у парня пробежали мурашки. Близнецы. Но такие, будто сама природа, лепя их, в гневе смяла глину. Лица широченные, приплюснутые, глаза маленькие и глубоко утонувшие, будто свиные. Одинаково кривые, будто вывернутые, ноги. Они шли, переваливаясь, и величали друг друга ласково — Климом да Фомой, а в глазах у них светилась тупая, деловитая жестокость.

На телеге, прикрытая рваной рогожей, стояла деревянная клетка, грубо сколоченная из жердей. И в ней, прижавшись к прутьям, сидел чёрный пёс. Шерсть его была матовой, как ночь без звёзд, а глаза… Глаза горели холодным, ярко-зелё-

ным пламенем, точь-в-точь как два осколка весеннего льда, поймавшие солнце. Именно оттуда, из клетки, и шёл тот голос.

Сердце Богдана ёкнуло, а в ушах зазвенела тишина, отсекая все другие звуки. Он, не помня себя, шагнул к телеге и ухватился руками за скользкие от времени жерди. Пёс прильнул к ним, и их взгляды встретились.

— Что… что ты сказал? — прошептал Богдан, и собственный голос показался ему чужим.

В зелёных глазах вспыхнуло невероятное, дикое изумление. Пасть пса приоткрылась, и голос, звучавший теперь только для Богдана, прозвучал в самой его голове, горячо и срывающе:

— Т-ты… ты меня слышишь? Понимаешь? Ради всех Богов, парень, внемли! Вызволи меня! Эти двуногие твари… эти живодёры… хотят шкуру с меня спустить для своих поганых дел!

Для остальных же раздавался лишь прерывистый, визгливый лай, от которого у баб ёкнули сердца.

— Одурел парень, — фыркнул один из братьев, Клим, — с псом разговаривать вздумал. Это ж бес в нём, он тебе дурману в уши напустит!

Но Богдан уже не слушал. Он слышал другое.

— Эти уродцы… — голос пса был полон горькой, умной ненависти, — …хотят шкуру мою продать кожевнику. Говорят, из чёрной собачьей кожи колдуны крепкие обереги вьют. Не дай на поругание! Клянусь духом лесов и пеплом предков, я не простой пёс! Помоги мне — и я помогу тебе. Чую, ты в дальний путь собираешься, на дело опасное. Мой нос различает следы, что людям невидимы. Я могу быть тебе глазами и ушами!

Богдан оторвал взгляд от этих горящих зелёных глаз и посмотрел на близнецов. В его собственном взгляде зажёгся тот самый внутренний огонь, что видел отец.

— Отпустите его, — сказал он твёрдо, и в его голосе уже не было юношеской надсадности, а была непоколебимая уверенность. — Зверь этот не для вашей наживы. Он… под свою защиту беру.

— Ты с чего взял? — взъярился Фома, второй близнец, хватаясь за засов клетки. — Наш пойманный — наша и добыча! Пошёл прочь, пока цел!

Толпа заволновалась, почуяв драку. Но глашатай и дружинники, закончив своё, уже поворачивали коней, не вдаваясь в деревенские склоки.

В этот момент пёс снова заговорил, и только Богдан уловил хитрость и расчёт в его голосе:

— Слушай, парень. У них за пазухой… пахнет княжеской овчарней. Свежей овечьей шерстью да дымком костра, на котором жир капал. И ещё — на подоле у левого, в грязи, застрял клок белой пряжи, славной тонкости. Такая только у княжеских баранов бывает. Скажи им это. Скажи, что ты это видишь.

Богдан, не дрогнув, пристальнее вгляделся в братьев. И правда — из-за засаленной кожухи одного торчал сероватый клочок. А запах… Теперь, когда пёс указал, он и сам уловил тяжёлый, терпкий дух овечьего пота, смешанный с гарью, что явно отличался от привычного запаха деревенского хлева.

— А ещё я вижу, — сказал Богдан громко и медленно, глядя братьям прямо в их подслеповатые глаза, — что с вашей одежды княжеским добром пахнет. Не простым навозом, а тем самым, что на выгоне у каменной ограды. И вот тут… — он указал пальцем на злосчастный клок, — пряжа. Такая, какую только с барана светлого князя состричь могли. Не хотите ли, чтоб я спросил у дружины, не помнят ли они, чьи это следы на вас остались? И не проверить ли, что у вас в куренях припрятано?

Это был удар точнее прежнего. Не туманные слухи, а осязаемая улика, которую и впрямь могли заметить. Глупая жадность в глазах близнецов сменилась животным страхом. Они инстинктивно потянулись скрыть клок и отшатнулись, будто от огня.

— Ты… ты чего накрутил, парень! — сипел Фома, но в его голосе уже была трусливая дрожь. — Это… это мы…

— Чёрт с тобой и с твоим псом! — перебил его Клим, бросая дикий взгляд на дружинников, которые уже заинтересованно повернули головы. — На, забирай свою нечисть! И чтоб духу вашего тут не было!

Он с силой дёрнул верёвку, и дверца клетки с грохотом упала в грязь. Чёрный пёс выпрыгнул наружу одним гибким, беззвучным движением.

Сполохи заката уже тлели на западе, когда Богдан и его необычный спутник вышли на тихую полянку у ручья, подальше от косых взглядов и шепотов. Парень опустился на мягкий мох, а пёс сел напротив, его зелёные глаза в сумерках светились, как два фосфорических уголька.

— Ну что ж, — начал Богдан, снимая котомку. — Спас я тебя. Теперь говори, что за чудеса такие? Откуда дар речи?

И как это я один тебя разумею?

Пёс склонил голову набок, и с его пасти сорвался странный, гортанный звук, который для Богдана сложился в слова:

— Дара тут нет. Это ты… у тебя слух иной. Никто до этого момента меня не понимал. Что до меня… — Он замолчал, и в его голосе прозвучала неподдельная тоска. — Не помню. Помню темноту и холод. А потом — свет, лес и этих двуногих уродов с верёвками. Кто я, откуда — туман в голове. Но помню одно: я чую. Чую то, чего другие не чуют, следы магии.

Богдан задумался.

— А имя? У тебя имя есть?

— Было. Словно отголосок за стеной. Не достать. — Пёс грустно вздохнул. — Зови как знаешь.

Парень посмотрел на этого чёрного призрака с глазами-изумрудами, на его спокойную, полную древней мудрости позу.

— Чаромут, — сказал Богдан твёрдо. — Будем звать тебя Чаромут. Коль чары чуешь и прошлое твое сокрыто мутью.

В зелёных глазах мелькнуло что-то вроде одобрения. Пёс — теперь Чаромут — кивнул.

— Чаромут… Мне нравится. Теперь слушай, Богдан. Ты

мне жизнь подарил. И я сослужу тебе. Тот след, что ты ищешь — след похищенной девицы — он слаб, но я его чую. Он ведёт на восток, и пахнет он не людским горем, а… инеем на кости. Мы найдём его.

В избу вернулись затемно. Отец, Игнат, сидел у стола, затевая лучину. Увидев сына и вошедшего следом огромного чёрного пса, он не вздрогнул, лишь густые брови нахмурил.

— Вот и «помощник» твой, — произнёс он глухо, откладывая нож. — И что, пёс-оборотень сказки будет тебе сказывать в дороге?

Чаромут тихо заворчал, и для Богдана это вновь были слова: «Суров старик. Видал виды».

— Он не оборотень, тятя. Он… особый. И он поможет.

— Поможет? — Игнат горько усмехнулся, опираясь на свою дубовую клюку. Под столом пусто болталась штанина — память о последней сече, что оставила великого воина калекой. — Чем поможет? Укусит нечисть? Так меч надёжней.

И тут Богдан, не сдержавшись, сказал:

— Он чует след, отец! Говорит, что дорога на восток. И что Мирослава жива, но беда с ней приключилась не человеческая!

Наступила мёртвая тишина. Игнат уставился на сына, потом на пса, который лишь смотрел спокойным зелёным взглядом. Для отца это был просто внимательный, умный взгляд животного. Но связь, уверенность в голосе сына…

— Ты… ты слова его разумеешь? — тихо спросил старый воин. — Для меня — только лай да рык. А для тебя… речь?

Богдан молча кивнул.

Игнат откинулся на лавке, и лицо его внезапно постарело на десятилетие. Он долго смотрел на Богдана, будто впервые видя в нём не сына, а кого-то другого.

— В мать… — прошептал он хрипло, с невыразимой болью. — В неё пошёл…

— Сидите, — бросил он коротко и скрылся за занавеской в горницу.

Богдан и Чаромут переглянулись. В избе повисло тяжёлое, напряжённое молчание, нарушаемое лишь треском лучины.

Через некоторое время Игнат вернулся. В руках он держал длинный, узкий свёрток из посконного холста. Развернув его, он положил на стол меч. Не богатырский широченный клинок, но и не крестьянский тесак. Прямой, ясный, с простой железной гардой и рукоятью, обёрнутой вытертой

кожей. Ножны были старые, потёртые, но на устье блестела серебряная насечка в виде бегущих волн.

— Дед моего деда носил, — сказал Игнат глухо, проводя ладонью по ножнам. — Говорили, добыл он этот клинок не в бою с людьми. В глухомани, на болотной кочке, сошёлся он с чудищем Навьим. И клинок тот в схватке закалился не только сталью, но и духом того чудища. Говорят, он не тупится о плоть магическую да берёт нечисть голым железом. Правда ль, байка ль — не ведаю. Сам я им только людей рубил. Но… — Он толкнул меч к Богдану. — Бери. Твоему делу он пригодится верней, чем моей ноге.

Богдан взял меч. Он был на удивление лёгким и словно бы звенел тихой, ледяной песней в его руке.

— Спасибо, тятя.

— Возвращайся, — отрезал отец. Его голос дрогнул. — С невестой княжьей, с славой, хоть ни с чем… но живым. Обещай.

— Обещаю.

Больше слов не было. Перед рассветом, когда село ещё спало, Богдан, с отцовским мечом на поясе и котомкой за плечами, стоял на краю леса. Рядом, тенью среди теней, сидел Чаромут.

Парень оглянулся на тёмные силуэты хат, на тонкую струйку дыма из их собственной трубы. Он глубоко вздохнул воздух, пахнущий домом, и повернулся к лесу, что стоял перед ними тёмной, безмолвной стеной.

— Готов? — спросил Чаромут, и его зелёные глаза в предрассветных сумерках вспыхнули холодным светом.

Богдан встретил его взгляд и кивнул.
— Пойдём.

И они шагнули в лес. Первый шаг — из мира привычного в мир, полный теней, магии и древних предсказаний.

Глава II

С момента выхода из Заречья прошло уже около суток. Богдан и Чаромут почти весь путь шли молча. Человек сдался первым.

Богдан сбросил суму на землю — прямо в мох, не глядя, не выбирая места. Ноги гудели так, будто он отплясывал на чужой свадьбе до третьих петухов.

— Всё, — выдохнул он, опускаясь на поваленное дерево. — Ноги отнимаются. В жизни столько не ходил за один день.

Чаромут остановился, обернулся. В сумерках его зелёные глаза светились ровно, спокойно — как два озерца, в которых отражается лесной пожар.

— Довольно слабовато для деревенского парнишки, — заметил он. Голос — хрипловатый, с лёгкой насмешкой. — Я думал, ты крепче.

Богдан не обиделся. Усталость была сильнее гордости.

— Мой отец — помощник кузнеца, — сказал он, растирая колено. — В целом не жируем, но и не ломимся от нищеты.

Много работать не приходилось. Разве что охота по утрам да хозяйские дела. Это не сравнится с путём, который мы идём. И уж точно с тем, что мы пройдём дальше.

Чаромут кивнул. Медленно, как кивают не в знак согласия, а в знак того, что услышали.

— В целом твоя правда. Мои лапы начали гудеть ещё версты две назад. — Он потянулся, выгнул спину, хрустнув позвонками. — И чую я, что лес не скоро закончится. А уже темнеет.

Они сделали привал недалеко от тропы — на маленькой поляне, зажатой между стволами вековых елей. Чаромут настоял на костре. Богдан не спорил. Место казалось жутковатым: слишком тихим, слишком тёмным, слишком полным. Будто лес смотрел. Будто ждал.

Они решили спать по очереди. Богдан лёг на расстеленный плащ, подложив под голову сумку. Чаромут устроился рядом, положив морду на лапы. Глаза его не закрывались. Он смотрел в огонь. И слушал.

Богдан уже закрыл глаза. Усталость накрыла его тяжёлой волной, потянула вниз, в тёплое забытьё. Он почти уснул.

Чаромут вскочил. Уши — торчком. Шерсть на загривке — дыбом.

— Богдан. Вставай.

Богдан открыл глаза. Рывком сел. Рука сама потянулась к мечу.

— Что?

— Кто-то бежит сюда. — Чаромут принюхался. Ноздри раздулись. — Кто-то… или что-то. Я чую кровь. И страх.

Богдан уже стоял. Меч — в руке. Огонь костра метался, бросая на стволы кривые тени.

А потом из тьмы — из-за стены деревьев, из чёрного горла ночи — на свет выбежала девушка.

Молодая. В белом платье. Платье было испачкано кровью — тёмными, бурыми пятнами, расплывшимися по подолу и груди. Волосы растрёпаны, лицо бледное, глаза — огромные, полные ужаса.

Она остановилась. Покачнулась. Посмотрела на Богдана. И в её взгляде было столько отчаяния, что он невольно сде-

лал шаг вперёд.

— Помогите… — выдохнула она, и голос сорвался. — Пожалуйста! Мой муж! Он там! С топором! Он ранен!

Богдан шагнул к ней. Ближе. Ещё ближе. Она была молодой женщиной — лет двадцати пяти, не больше. Тонкая, как тростинка. И дрожала всем телом.

— Что произошло? — спросил он мягко. — На вас с мужем напали?

Девушка снова попыталась заговорить. Слова рвались из неё, как вода сквозь прорванную плотину — бессвязно, торопливо, с всхлипами.

— Да, мой муж! Всё случилось так быстро! Я не знаю! Не знаю! Скорее, прошу! Помоги ему!

Богдан снял с плеч плащ — тёплый, шерстяной, ещё хранивший тепло костра. Накинул ей на плечи. Плащ тут же пропитался холодом, который шёл от неё. Как от камня зимой.

— Покажи дорогу, — сказал он. — Идём.

Чаромут метнулся вперёд. Зубы — в край рубахи. Дёрнул. Сильно. Так, что Богдан покачнулся.

— Постой, — прошипел пёс. — Ты подумай. В глухом лесу. Ночью. Внезапно — женщина. В белом. С кровью. Просит помощи. Тебе не кажется это странным?

Богдан обернулся. Посмотрел на него. И в его глазах — усталых, но твёрдых — не было ни капли сомнения.

— И что мне сделать? — спросил он. — Бросить её? Не могу. А вдруг мы спасём чью-то жизнь? Не знаю, как ты, Чар, но я не живу по принципу «моя хата с краю». Можешь остаться. Я схожу сам.

Чаромут зарычал. Тихо. Глухо. Так рычат не на врага — на друга, который говорит глупости.

— Ещё чего, — буркнул он. — Без меня ты пропадёшь.

Женщина смотрела на них. Широко раскрытыми глазами. Переводила взгляд с Богдана на пса. С пса на Богдана.

— Ты что… — она запнулась. — Говоришь со своим псом?

Богдан выпрямился. Улыбнулся — легко, чуть виновато. Как улыбаются, когда поймали на чём-то странном.

— Он очень пугливый, — сказал он, кивнув на Чаромута. — Пытался его успокоить.

Чаромут посмотрел на Богдана. Поднял бровь. Правую. Слегка качнул головой.

И ничего не сказал.

Они шли через лес. Быстро. Женщина впереди, указывая дорогу. Богдан за ней. Чаромут сбоку, чуть отставая, держась в тени деревьев.

Ночь сгустилась. Ветви смыкались над головой, как пальцы, что тянутся друг к другу. Луна едва пробивалась сквозь них — бледными, рваными пятнами.

— Как вас звать? — спросил Богдан, перешагивая через корень.

— Марфа, — ответила она, не оборачиваясь. — Марфа я.

Голос — тихий, надтреснутый. Как будто она долго кричала. Или плакала.

— А мужа вашего?

— Игорь.

Богдан кивнул. Хотел спросить ещё что-то — про нападавшего, про то, как тот выглядел, — но Марфа вдруг остановилась. Обернулась. Посмотрела на него — прямо, не мигая.

— Ты… ты ведь не бросишь нас? — спросила она. И в этом вопросе было столько страха, что Богдан почувствовал, как что-то сжалось в груди.

— Не брошу, — сказал он просто.

Марфа кивнула. Отвернулась. Пошла дальше.

Чаромут, шедший в тени, неслышно приблизился к Богдану. Ткнулся носом в его ладонь. Тихо. Едва заметно.

— Спроси, далеко ли ещё, — прошептал пёс. Так, чтобы слышал только Богдан. — И как давно она бежит.

Богдан нахмурился. Но спрашивать не стал. Не сейчас. Не при ней.

— Далеко ещё? — спросил он вместо этого.

— Близко, — ответила Марфа. — Совсем близко. За тем вон холмом.

Она указала рукой вперёд. Туда, где сквозь стволы угадывалась чёрная, глухая стена леса. И в этой стене — ни огонька. Ни дыма. Ни признака жизни.

Богдан посмотрел. И впервые за всё время — что-то кольнуло его. Слабо. Едва заметно. Как комар. Но он отгонял от себя мрачные мысли.

Вскоре они вышли к терему. Тут незнакомка не солгала. Хата действительно стояла. Вот только она была заброшена. По крайней мере, так казалось. Небольшой заборчик порос травой и мхом. Калитка висела на одной петле, скрипела от каждого дуновения ветра. Двор зарос полынью и крапивой — по пояс, не меньше. А над крышей — ни дымка. Ни огонька. Только чернота провалов вместо окон.

— Это твой дом? — с лёгкой настороженностью спросил Богдан.

Марфа остановилась. Посмотрела на терем. И в её глазах

— недоумение. Растерянность. Что-то, что она не могла объяснить.

— Д-да, — сказала она медленно. — Да, это он.

Она сделала шаг вперёд. Потом ещё один. А потом — сорвалась с места. Побежала. Прямо к двери. Прямо в темноту.

— Но этого не может быть! — крикнула она уже с порога.

Чаромут заскулил. Тихо. Протяжно. Так скулят псы, когда чуют беду, но не могут её назвать.

— Ой, не к добру, — прорычал он. — Ой, как я тебя предупреждал.

— Не нагнетай, прошу! — почти выругался Богдан. — Я сам уже слегка на взводе. Но бежать уже некуда. Пошли внутрь. Выясним, что здесь происходит.

Чаромут опустил уши. Прижался к земле. Но пошёл. Вслед за Богданом. Вслед за женщиной.

Внутри всё было не лучше, чем снаружи. Паутина, пыль и запустение. Тут не жили уже года два. А может, и три. Стол — перекошенный, покрытый слоем серой пыли. Лавки —

трухлявые, осевшие. В углу — икона без оклада, лик стёрт, как стёрта память. Пахло сыростью и мышами.

Марфа металась из стороны в сторону. От стола — к печи. От печи — к окну. Заглядывала в углы. Трогала стены. И не узнавала. Не понимала.

— Не понимаю! Не понимаю! Не может быть! Мы с Игорем вот только что. Он покормил курей. Я приготовила борща. И как вдруг этот мужчина…

Чаромут подошёл к Богдану. Тихо. Почти неслышно.

— Может, она просто умалишённая? — спросил он. — Она явно бредит. Это место нелюдимо уже давно.

Богдан посмотрел на Марфу. На её белое платье. На кровь, что темнела на ткани. На руки, что дрожали. И покачал головой.

— Ты прав, что-то тут не сходится, — сказал он. — Давай осмотримся. Вдруг что прояснится.

Он подошёл к женщине. Она стояла у печи. Смотрела на неё. И повторяла — тихо, ровно, как молитву:

— Я застряла. Застряла. Застряла.

— Слушай, — Богдан коснулся её плеча. Осторожно. — Я попробую помочь тебе. Посиди тут. В доме. Я осмотрюсь. И вернусь.

Он начал отходить. Шаг. Другой.

Но холодная ладонь Марфы вдруг обхватила его руку. Пальцы — как лёд. Как камень зимой.

Богдан обернулся.

Она смотрела на него. Прямо. Не мигая.

— Петухи, — сказала она. Голос — ровный, холодный. — Пока не крикнут третьи петухи.

Марфа замолчала. Отпустила его руку. Отвернулась.

Он позвал Чаромута. Тот подошёл неслышно, тенью скользнув по половицам. Богдан кивнул на дверь. Они вышли во двор.

Ночь стояла глухая. Ни ветра. Ни шороха. Только где-то далеко, за стеной леса, кричала птица — одиноко, надрывно,

будто звала кого-то, кто никогда не придёт.

— Делим двор, — сказал Богдан тихо. — Ты — снаружи. Я — внутри. Если что — зови.

Чаромут посмотрел на него. Долго. В зелёных глазах — сомнение. Но он кивнул. Молча. И растворился в тени между деревьями.

Богдан вернулся в терем. Прошёл через сени. В горницу, где сидела Марфа. Она не двигалась. Смотрела в стену. Платье её белело в темноте, как снег. Он не стал её тревожить. Прошёл мимо. В дальнюю комнату.

Здесь было темно. Хоть глаз выколи. Богдан остановился. Пошарил рукой по стене. Пальцы наткнулись на что-то твёрдое. Глиняное. Он снял с крюка масляный светильник — старый, тяжёлый, с почерневшим от копоти боком. Внутри ещё плескалось масло. Немного. На дне. Но хватит.

Он достал огниво. Чиркнул. Искра упала на фитиль. Тот зашипел. Затрещал. И вспыхнул — слабым, жёлтым, дрожащим огоньком.

Свет разлился по комнате. Робкий. Но достаточный.

Богдан поднял светильник. Осмотрелся. Стены. Пыль. Паутина. И — капли. Тёмные. Мелкие. Расплывшиеся по дереву, как старая смола. Он провёл пальцем. Капля была холодной. Не свежей. Не тёплой. Как будто её пролили давно. Очень давно. Но она не высохла.

Он поднялся. Пошёл по каплям. Светильник в вытянутой руке. Огонь дрожал, метался, бросал на стены кривые тени. Они плясали. Как живые. Как будто радовались чему-то.

Капли вели к задней двери. Из терема — во двор. Через заросший сад. Мимо яблонь, чьи ветви скрючились, как пальцы. Дальше — в лес.

Он шёл медленно. Осторожно. Рука — на рукояти меча. Другая — со светильником. Огонь освещал путь. Пятно жёлтого света скользило по мху, по корням, по камням. И тьма отступала. Нехотя. Недалеко. Но отступала.

Лес смыкался вокруг. Тот же лес. Мёртвый. Тихий. Но теперь — другой. Будто он знал, что Богдан идёт. И ждал.

Капли вели в чащу. Через бурелом. Через овраг. К подножию холма, поросшего мхом. Здесь они обрывались. Прямо у входа в пещеру.

Пещера была чёрной. Как провал. Как открытая пасть. Из неё тянуло холодом. И — запахом. Сладковатым. Приторным. Как от старой крови, которая никогда не высохнет.

Богдан остановился. Поднял светильник. Огонь задрожал. Пламя наклонилось — будто хотело заглянуть внутрь. Но боялось.

Мальчишка вдохнул. Медленно. Выдохнул. И шагнул внутрь.

***

В это время Чаромут расхаживал по заднему двору терема. Медленно. Неслышно. Лапы — по мху, по гнилой листве, по трухе. Он вынюхивал. Старые тайны. Те, что земля хранит. Те, что не хотят быть найденными.

Двор был мёртв. Как и всё здесь. Но запахи — жили. Слабые. Древние. Как эхо. Чаромут шёл по ним. Нос — к земле. Глаза — прикрыты. Он слушал запахи. Так, как умеют только звери. Или те, кто был зверем раньше.

И тут ему попались они.

Два земляных нароста. Возле давно заброшенного огоро-

да. Кривые. Осевшие. Почти слитые с землёй. Две деревянные таблички — серые, трухлявые, поросшие травой. Бурьян закрывал их полностью. Как саван.

Чаромут остановился. Принюхался. Пахло не так. Не землёй. Не мхом. Чем-то другим. Чем-то, что он узнал. Но не мог назвать.

Он ухватился зубами за бурьян. Дёрнул. Трава поддалась с сухим треском. Он рванул ещё. Ещё. Лапами помог — сгрёб мох, откинул в сторону. Таблички показались из-под земли. Медленно. Как будто не хотели.

Чаромут отпустил траву. Отступил на шаг. Посмотрел.

Имена. Вырезанные в дереве. Глубоко. Давно. Но читаемые.

Марфа.

Игорь.

Он замер. Лапы — вросли в землю. Хвост — опустился. Уши — прижались. В горле — ком. Он смотрел на эти имена. И понимал. Всё. Сразу. Как удар. Как холод. Как прозрение.

— Зараза, — выдохнул он. Голос — хриплый. Дрожащий. — Так вот что…

Он не успел договорить.

Крик. Женский. Из терема. Пронзительный. Полный ужаса.

Чаромут рванул. Через двор. Через сад. К терему. Лапы — быстрее мыслей. Теперь он всё понял.

***

В пещере было темно. Но светильник освещал. Неровно. Пятнами. Он падал на стены. На камни. На человека.

Тот стоял в центре пещеры. Спиной. Окровавленное лицо — Богдан видел его лишь краем, но этого хватило. Глаза — пустые. Тёмные. Как у мертвеца. В руке — топор. Тяжёлый. Зазубренный.

Человек не двигался. Просто стоял. Ждал.

Богдан выхватил меч. Шагнул вперёд. Удар — быстрый, точный, в грудь. Клинок прошёл сквозь. Как сквозь дым. Как сквозь туман. Человек распался. Растворился. Исчез.

Только холод остался. И пустота.

Светильник в руке Богдана дрогнул. Пламя пригнулось. Как будто испугалось. Богдан опустил взгляд. И увидел.

В углу пещеры — труп. Точнее, то, что от него осталось. Череп. Кости. Истлевшая одежда. Рука — на ноже. Нож — в рёбрах. Будто человек сам вогнал его. Сам. Добровольно.

Богдан шагнул ближе. Присел. Светильник осветил стену. И тогда он увидел надпись. Кровью. Высохшей. Старой. Но всё ещё читаемой.

«Простите меня, боги. За тяжкий грех».

Он смотрел на эти слова. Долго. Светильник дрожал в руке. Огонь шипел. Как будто шептал что-то. Что-то, чего Богдан не мог разобрать.

А потом — крик.

Из терема. Женский. Пронзительный. Полный ужаса.

Богдан вскочил. Светильник качнулся. Огонь погас. Тьма сомкнулась. Он бросился к выходу. Ветер ударил в лицо. Лес

— ожил. Ветви хлестали. Тьма — сгустилась. Он бежал. Через овраг. Через бурелом. Через сад. К терему.

И у самого крыльца увидел его.

Того самого человека. С окровавленным лицом. С топором. Он стоял. Смотрел. И улыбался.

— Сюда, Богдан! Беги в дом! — Чаромут крикнул другу из заднего входа в терем.

Парень забежал в хату. Там уже стоял напуганный Чаромут и Марфа. Она показалась Богдану ещё страннее обычного. Она что-то бормотала себе под нос. Но голос её будто искажался. Слова — рвались. Как будто она говорила не сама. Как будто что-то говорило через неё.

— Слушай, я понял, что здесь происходит! — Чаромут решил высказать своё предположение. — Марфа не та, кто…

— Не сейчас, Чаромут! — перебил его юноша.

Богдан подошёл к главному входу, к которому медленно шёл окровавленный человек. Тот двигался не спеша. Как будто знал, что добыча не убежит. Как будто играл.

— Это морок! — сказал Богдан. — Нам его не уничтожить. Даже мой меч не возьмёт его. Лишь на короткое время задержит. Нам нужен план.

— Соль. — выкрикнул Чаромут. — Не знаю, откуда я знаю, но нам нужна соль.

— Да… — задумчиво протянул Богдан. — Да, ты прав! Бабушка сказывала, что соль для духов, что закрытая дверь. Быстро, ищем!

Богдан и Чаромут начали шариться по полкам и столам. Пыль — в нос. Паутина — в волосы. Пальцы — по трухлявому дереву. И — нашли. Пару забытых мешочков. Тяжёлых. С солью. Серой, крупной, слежавшейся.

Богдан высыпал ровную дорожку у главного входа. Чаромут — у заднего. Потом — у окон. Тонкие белые линии. Как границы. Как черта, которую нельзя переступить.

Марфа стояла в углу. Смотрела. Молчала. Но её глаза — зелёные, как у Чаромута, — следили. За каждым движением. За каждой щепоткой соли.

И тогда — крик.

Первый петух.

Где-то далеко. За лесом. За тьмой. За гранью. Тонкий. Пронзительный. Как лезвие.

Ударил ветер.

Не порыв. Не дуновение. Стена. Стена воздуха, сорвавшаяся с неба, обрушившаяся на терем. Стёкла — брызнули. Ставни — захлопали. Двери — застонали. И соль — сдуло. С порогов. С окон. С каждого места, где она лежала.

Белая пыль взметнулась в воздух. Затанцевала. И осела на пол. Бесполезная. Мёртвая.

А потом дверь — главная, тяжёлая, дубовая, на железных петлях — вырвало. С корнем. С треском. С грохотом. Она рухнула внутрь, ударилась о пол, подпрыгнула.

И в проёме — он.

Окровавленное лицо. Пустые глаза. Топор в руке. Он стоял. Смотрел. И улыбался.

— Сюда! — крикнул Богдан. — Все ко мне! Быстро!

Чаромут метнулся. Марфа — не двинулась. Стояла. Смотрела. Как будто ждала чего-то.

— Марфа! — Богдан схватил её за руку. Ледяную. Холодную. Как камень. Потянул. Она пошла. Медленно. Как во сне.

Он поставил их — Чаромута и Марфу — плечом к плечу. В центре горницы. Сам — встал рядом. И, не выпуская мешочка из руки, посыпал соль вокруг них. Круг. Замкнутый. Ровный. Белый.

Три фигуры. Внутри. Круг соли. Снаружи.

Морок шагнул в дом. Медленно. Не спеша. Топор — в руке. Глаза — пустые. Он не смотрел на них. Он смотрел на круг. Изучал. Как будто прикидывал.

Потом — пошёл. Вокруг. По кругу. Медленно. Ровно. Как зверь вокруг костра. Как волк вокруг добычи. Он обошёл их. Один раз. Второй. Третий. И с каждым шагом — ближе. С каждым шагом — злее. С каждым шагом — громче становилось его дыхание. Хриплое. Свистящее. Как меха кузнечного горна.

Он тянулся к ним. Рукой. Топором. Пальцами. Но не мог. Соль держала. Невидимая стена. Прозрачная. Но твёрдая.

Морок зарычал. Глухо. Страшно. Как рычит зверь, который не может достать добычу. Как голод, который не может насытиться.

Ветер выл снаружи. Ветви хлестали по стенам. Терем стонал. Как будто сам хотел рухнуть. Как будто сама земля хотела их выдать.

Богдан сжал рукоять меча. Бесполезно. Он знал. Меч не поможет. Только соль. Только круг. Только время.

Марфа дрожала. Рядом. Плечом к плечу. Её глаза — не отрывались от морока. Она смотрела на него. И в её взгляде — не страх. Что-то другое. Что-то древнее. Что-то, что знало его. Помнило.

Морок остановился. Прямо перед ней. Ближе всех. Топор — занесён. Глаза — в глаза. Он смотрел на неё. Долго. Как будто узнавал. Как будто просил прощения.

Второй петух.

Ближе. Громче. Яснее. Небо за окном — посветлело. На

волос. На миг.

Морок закричал. Не рык. Не вой. Крик. Полный ярости. Полный боли. Полный чего-то, что нельзя назвать.

Третий петух.

Морок рассыпался пеплом. Тишина обрушилась на терем — глухая, полная, как будто сам воздух задержал дыхание.

Богдан стоял, не двигаясь. Меч в руке. Соль под ногами. И — ждал. Чего? Он не знал. Просто ждал.

Марфа всё ещё была рядом. Плечом к плечу. Он чувствовал её холод — тот самый, ледяной, который не уходил. Но теперь — что-то менялось. Медленно. Едва заметно.

Он повернул голову.

Она смотрела вперёд. Туда, где только что был морок. Туда, где теперь — ничего. Пустота. Утро.

И лицо ее — менялось.

Сначала ушёл страх. Тот самый, что застыл в её глазах с первой секунды — застыл, как лёд, как камень, как приго-

вор. Он таял. Медленно. Стекал с лица.

Потом — вернулось дыхание. Он не слышал раньше, как она дышит. А теперь — услышал. Тихо. Ровно. Спокойно. Как дышит человек, который наконец может выдохнуть.

И тогда — пришёл свет.

Не тот, что снаружи. Не утренний. Другой. Изнутри. Он зажегся где-то в глубине её глаз — зеленых, как у Чаромута, — и разлился. По лицу. По коже. По каждой черточке. Как будто душа ее — та, что была заперта, закована, забыта, — вернулась. Нашла дорогу. И проявилась.

Богдан смотрел. И не мог отвести взгляд. Потому что видел — впервые — не призрака. Не жертву. Не морок. А женщину. Ту, которой она была.

Она улыбнулась. Тихо. Уголками губ. Не широко. Не радостно. А спокойно. Как улыбается человек, который всё понял. Который всё отпустил. Который простил — и себя, и его, и весь этот мир.

— Спасибо, — прошептала она. Голос — её. Свой. Чистый. Живой. — Вы разорвали круг. Спасибо.

Свет был тёплым. Не режущим. Не холодным. Как утреннее солнце, пробившееся сквозь тучи. Как первый луч после долгой ночи. Он залил горницу — на мгновение. Всего на мгновение. А потом — погас. Тихо. Мягко. Как гаснет свеча, когда её задувает ребёнок.

И Марфы не стало.

Только соль осталась на полу. Белая. Ровная. Замкнутый круг. И — тишина. Глубокая. Полная. Как будто сам мир выдохнул.

* * *

На улице уже было светло.

Яркие лучи солнца пробились внутрь терема. Сквозь выбитые окна. Сквозь вырванную дверь. Сквозь щели в стенах. Они падали на пол — тёплыми, жёлтыми пятнами.

Терем был прибран.

Не выдраен начисто — где там. Но убран. Паутина — снята. Хлам — сгрёбен в углы. Пыль — стёрта со стола и лавок. Дверь — приставлена к проёму. Криво. Косо. Но приставлена. Окно — заткнуто тряпкой. Как могли. Как сумели.

* * *

Могилы Марфы и Игоря лежали на прежнем месте. Два земляных нароста. Возле заброшенного огорода. Но теперь — другие. Расчищенные. Мох — сгрёбен. Бурьян — сорван. Таблички — серые, трухлявые — читались. Ясно. Чётко. Буквы — глубокие. Вырезанные давно. Но сохранённые. Временем. Памятью.

На могилах лежали венки. Простые. Кривые. Из сломанных веток и жёлтых цветов, что растут на опушке. Живые.

На старой табличке — старая надпись:

«Игорь и Марфа. Муж да жена. Сгублены ночью, до третьих петухов. Брат Игоря, окаянный, из ревности. Да будет ему суд Божий».

А под ней — новая. Свежая. Вырезанная ножом. Глубоко. Ровно.

«Светлой памяти и вечного покоя».

Где-то далеко, за этими могилами, за этой поляной, за стеной леса — виднелись силуэты. Двое. Человек и пёс. Они

уходили. На восток. Туда, где ждала княжна.

Глава III

Два дня пути оказались тремя днями разочарования. Лес, такой таинственный с околицы, внутри оказался бесконечным, сырым и утомительным. Дороги как таковой не было — лишь звериные тропы, петляющие между кочек и буреломов. Дождь, мелкий и назойливый, моросил два дня из трёх, пропитав всё: котомку, одежду, самые мысли. Воздух пах теперь не домом, а прелой корой, мокрой шерстью и вечной грибной сыростью.

Чаромут шёл впереди, его чёрная шерсть сливалась с сумерками под пологом деревьев. Он не жаловался, но Богдан видел, как тот припадает на переднюю лапу — видимо, натёр камень.

— Далеко ещё до людей? — спросил Богдан, снимая с пояса почти пустую кожаную флягу.

— Чую дым, — голос пса пришел усталая, но чёткая. — Не охотничий. Деревенский. Жжёная глина и хлебная кислятина. Близко.

И вправду, вскоре чаща разредилась, и они вышли на косогор. Внизу, у извилистой речушки, ютилась деревушка. Не родная, с аккуратными дворами, а бедная, посаженная словно наспех: кривые избы, покосившиеся плетни, поляны,

больше похожие на болотные кочки. Названия у неё, как выяснилось позже, не было. Звали просто — Залесье.

Корчмой здесь служила самая большая, но оттого самая обшарпанная изба у моста. Из трубы валил густой, жирный дым, а из раскрытой двери лился тусклый свет и гул голосов. Богдан, поправив на поясе меч, переступил порог.

Тишина наступила мгновенная и тяжёлая. Пахло квашеной капустой, дёгтем и немытыми телами. За единственным длинным столом сидело человек десять мужиков. Все обернулись. Взгляды — колючие, изучающие, пустые — скользнули по его лицу, по котомке, задержались на мече. Чаромут, вошедший следом, вызвал сдержанный ропот. Где-то хмыкнули.

— Хлеба, похлёбки и ночлег, — сказал Богдан хозяйке, дородной бабе с лицом, как замшевая перчатка, опуская на стол последние несколько копеек.

Пока она собирала еду, он различал обрывки разговоров.
— …третью ночь… в постели холодно…
— …староста к батюшке ходил, тот молится…
— …уж не леший ли? Ребят малых водит…
— …ведьма это, сука, детей наших крадёт…
Дети. Пропадали дети.

В дверь грубо вошли трое. Не крестьяне. Странники, как и Богдан, но иного поля ягоды. Двое помоложе, коренастых, с тупыми, самоуверенными лицами. А впереди — старший. Лет под тридцать, с лицом, исполосованным старым сабельным шрамом от виска до подбородка. Одежда поношеная, но на одном из молодцов Богдан заметил хорошие, хоть и стоптанные, сапоги. С добычи.

Старший, которого звали Грач, присел на лавку рядом без приглашения. Его глаза, цвета мутного льда, оценивающе скользнули по Богдану.

— Далеко ли путь держишь, паренёк? — голос был хриплым, будто протёртым песком.

— По своим делам, — коротко ответил Богдан, отодвигая миску с похлёбкой.

— Дела у всех одни, — усмехнулся Грач. — Слух по дороге идёт — невесту княжую ищут. Награда жирная. Небось и ты за тем же?

Один из молодцов, рыжий и веснушчатый, фыркнул:

— С псиной да с деревянной колодкой на поясе? Ну и подарочек князю.

Богдан почувствовал, как по спине пробежал холодок ярости, но сдержался.

— Терпи. Они пахнут железом и старой кровью. Не ровня

тебе в драке. Пока что, — прозвучал спокойный голос Чаромута.

— Слышал, тут дети пропадают, — переменил тему Богдан, глядя прямо на Грача.

Тот нахмурился.

— Слышал. И что?

— Может, прежде чем за тридевять земель невесту искать, тут помочь?

— Помочь? — Грач медленно выдохнул струю кислого перегара. — Мы и помогаем. Выясняем. А выясняется, что следы-то ведут не в лес, а к одной тут… отшельнице. Лесной бабе. Ведьме, проще говоря.

В избе стало ещё тише. Бабы у печи перестали шептаться.

— Батюшка наш, отец Елифан, сказывал, — вступил какой-то старик, — что она души младенческие на прокорм нечисти ворует. Молока у коров отбирает, яйца куриные вороньими делает…

— Вот и мы думаем, — подхватил Грач, и в его глазах мелькнул холодный расчёт. — Справиться с ведьмой — дело доброе. И людям помощь, и… глядишь, слава дойдёт до князя раньше, чем кто успеет невесту найти. Он посмотрел на Богдана. — Сила в числе. Присоединяйся. Доля будет.

Не успел он открыть рот, как с улицы донёсся звон коло-

колов. Таверна наполовину опустела.

— Позже договорим, — кинул Богдан и вместе с псом пошёл посмотреть на улицу.

Было уже затемно, прохладный весенний вечер. Люд собирался вокруг звенящей деревянной церквушки, что была центром деревни. Подойдя ближе, Богдан и Чар увидели выступающего перед людьми отца Елифана.

Вокруг, у подножия деревянных церковных ступеней, сгрудилась вся деревня — живой, дышащий стоном организм. Толпа колыхалась, разрываясь надвое: с одной стороны — женщины, прикрывавшие лица посконными рукавами, их плечи вздрагивали от беззвучных рыданий; с другой — верующие с твёрдыми, как камень, лицами, кивавшие в такт каждому слову, выходившему из храма. Их кулаки были сжаты, глаза горели не то верой, не то безумием.

Сам храм, тёмный сруб под низкой, мшистой кровлей, казался в эту ночь живым и грозным. Два огромных факела, вбитых в землю по сторонам от дверей, плясали неровными языками пламени, отбрасывая на стены и лица гигантские, корчащиеся тени. В этом зыбком свете, на самой границе тьмы и огня, стояли трое. В центре — отец Елифан, долговязый и иссохший, как зимняя ветла. Его длинная, се-

дая борода, обычно уложенная на груди, сейчас металась по ветру, словно отдельное существо. А по бокам, чуть позади, замерли двое в непривычных одеяниях: не грубые деревенские кафтаны, а строгие, чёрные рясы с алыми, как запёкшаяся кровь, нашивками на груди и плечах. Их лица, освещённые снизу, были непроницаемы и холодны, будто высечены из речного булыжника.

Чаромут прижался к ноге Богдана. Шерсть на загривке — дыбом. Он смотрел на двух фигур в чёрном. Долго. Не мигая.

— Кто это? — спросил он тихо. Голос — хриплый. Напряжённый. — Я их не знаю. Но от них… — он принюхался, ноздри раздулись, — …пахнет дымом. И железом. И чем-то ещё. Чем-то старым. Как от костра, который горел много лет. И никак не погаснет.

Богдан не отрывал взгляда от чёрных фигур. В горле — сухо. В груди — тяжесть.

— Это инквизиторы, — сказал он тихо. — Слуги Церкви Пламенного Бога.

Чаромут повернул к нему морду. В зелёных глазах — вопрос.

— Пламенный Бог? — переспросил он.

Богдан помолчал. Потом ответил — тихо, ровно, как говорят о вещах, которые давно перестали удивлять, но так и не перестали болеть.

— Церковь Пламенного Бога пришла в наши земли давно. Тогда она была просто верой. Одной из многих. Но потом — выросла. Набрала силу. И начала «очищать» землю. От всего, что не вписывалось в её учение. От магии. От ведунов. От травниц. От всех, кто хоть чем-то отличался.

Он кивнул на инквизиторов.

— А это — их руки. Они ходят по деревням. Ищут «нечисть». А потом — жгут. Костры. Клейма. Виселицы. Всё — во имя Единого Пламенного Бога.

Чаромут молчал. Долго. Смотрел на чёрные фигуры. Потом — на Богдана.

— И ты… — начал он. — Ты видел это?

— Видел, — сказал Богдан. — Все видели. Кто-то — боялся. Кто-то — верил. Кто-то — молчал. Я… — он сжал кулак. — Я был мальчишкой. Я не мог ничего сделать. Но я

запомнил. Каждое лицо. Каждый крик.

Чаромут опустил голову. Уши — прижаты. Хвост — поджат. Он смотрел на землю. И молчал.

А потом — тихо, почти шёпотом:

— Значит, люди жгут других людей. Но ради чего? За одно лишь отличное мнение?

— Ради власти, — сказал Богдан. — И это — страшнее.

В этот момент отец Елифан воздел руки. Факелы затрещали, выплеснув в ночь сноп искр.

— Чада мои возлюбленные! — голос его, обычно хриплый, сейчас звенел металлической, пронзительной силой, заглушая всхлипы. — Взгляните на тьму, что облегла сердца ваши! Не урожай ли тощал, не хворал ли скот? Не дитятко ли ваше, не овечка ли белая из стада пропадала?!

Он сделал паузу, дав вопросам врезаться в сознание.

— Сие есть знамение! Гнев Господен на земли сей! И гневается Он, ибо допустили вы дочерь тьмы, пособницу навейскую, в среду свою! Допустили и потворствовали!

Толпа зарокотала. В рыданиях вдовьей половины прорвалась нотка отчаяния, а в рядах верующих прокатился одобрительный, зловещий гул. Факелы, будто в ответ, полыхнули ярче, осветив на миг полные безжалостной уверенности лица стражей в черно-алых рясах. Они не сводили глаз с толпы, выискивая тех, чьё рвение остыло.

— Вижу, что средь нас ныне лик новый затесался, — голос отца Елифана, влажный и цепкий, как болотная тина, обвёл толпу и остановился на Богдане. Два факельных отблеска, словно живые, запрыгали в его глубоко посаженных глазах. — Не скрывайся во мгле, путник. Явись. Поведай люду Залесскому, кто таков и с каким словом в обитель нашу пожаловал?

Толпа, будто по незримому мановению, расступилась, образовав вокруг Богдана круг пустоты и пристальных взглядов. Он почувствовал, как под этим взвешенным молчанием сжимается воздух, становится гуще и тяжелее. Но отступать было поздно. Собрав всю свою юношескую гордыню в кулак, Богдан сделал два чётких шага вперёд. Сапог его глухо стукнул о насквозь пропитанный сыростью пень, что валялся у края толпы. Он поставил на него ногу, упёр руки в боки, чувствуя под ладонью твёрдую рукоять отцовского меча. Чаромут, не отходя ни на шаг, замер у его левой ноги, зелёный

взгляд прикован к фигурам у храма.

— Я — Богдан! — голос его прозвучал громче, чем он ожидал, разрезая ночную тишь. — Сын Игната, из села Заречья что на Синем Яру. Откликнулся на клич светлого князя нашего, Мстислава Сурового! Иду следом за похитителем, дабы вернуть честь его дому и сноху княжую, Мирославу, живой и невредимой!

На лице отца Елифана, будто тень от проплывшей тучи, пробежала чуть заметная, кривая ухмылка. Он медленно кивнул, и его седая борода колыхнулась, словно клубок седых змей.

— Что ж… Вижу, юноша, путь твой отмечен ревностью праведной, — закатил он глаза к тёмному небу, растягивая слова, будто пробуя их на вкус. — И пламени Господню, пожирающему скверну, по нраву рвение твоё. — Взгляд его, холодный и оценивающий, скользнул по Богдану с головы до ног, задержавшись на мече. — Заходи ко мне, по окончании проповеди с паствой. Беседу иметь будем. Думается, есть нам… о чём потолковать.

Не было в этих словах ни гостеприимства, ни одобрения. Был спокойный, безличный приказ.

Толпа, затаившая на миг дыхание, снова зашевелилась, загудела, вернувшись в своё прежнее, скорбно-озлобленное состояние. Богдан, чувствуя на спине колючие иглы сотен взглядов, отступил в тень, к покосившейся лавке у плетня.

Он опустился на сырые доски. И только теперь позволил себе выдохнуть. Рука сама потянулась к холке Чаромута — искать опору в привычной шерсти.

— Зачем тебе идти к нему? — тихо спросил Чаромут. — Может, просто пойдём дальше?

Богдан не ответил сразу. Смотрел, как Елифан вновь воздел руки, как загудела толпа, как заплясали тени от факелов.

— Потому что нам нужны припасы, — сказал он наконец. — И деньги.

Он поправил суму. Тугая, но пустая. Как желудок.

— Последняя еда кончилась через сутки после морока. Дичи в лесах не встретилось. Ни зайца. Ни птицы. Ничего. — Он помолчал. — А Церковь никогда не бедствует.

Чаромут коротко вздохнул. Для Богдана — ясный, усталый вздох. Для остальных — лёгкий выдох через нос.

— Тогда будь осторожен, — сказал он. — Наши слова для них — или бред, или ересь.

Он повернул морду. Зелёные глаза блеснули в свете факелов.

— Молчи. Слушай. Иногда тишина — лучший союзник.

Богдан кивнул и сжал руку на загривке Чаромута. Тихо. Успокаивающе.

***

Лёгкий, но настойчивый толчок холодного носа в ладонь вырвал Богдана из тяжёлой дремоты. Он вздрогнул, распахнув глаза. Проповедь смолкла. Толпа растекалась, как густая, чёрная брага. Плачущих женщин, сгорбленных и безгласных, вели под руки мужья. Одна, молодая, с лицом, опустевшим от слёз, задержалась на мгновение. Её взгляд, мокрый и острый, как шило после дождя, зацепился за Богдана, за его белую рубаху, будто искал в нём что-то — надежду, вину или просто чужую боль. Потом она резко отвернулась и растворилась в тёмных утробах между избами.

Тишину, густую и липкую, разрезал голос, доносящийся

из чёрного зева церковных дверей:

— Юный путник. Можешь проходить.

Богдан и Чаромут поднялись с лавки. Подошли к порогу, где уже не горели факелы, а лишь тлел тяжёлый, трупный запах гари и воска.

— Псина будет ждать снаружи, — раздался тот же голос, и отец Елифан предстал в дверном проёме, его фигура вырисовывалась силуэтом против скупого света лампад внутри. Он скосил глаза на Чаромута, и в этом взгляде не было ничего, кроме ледяного, отрешённого презрения. — Негоже осквернять святое место… столь чудными животинами.

Богдан встретился взглядом с Чаромут. В зелёных глазах пса не было страха, лишь глубокая, мудрая настороженность. Лёгкое движение бровей Богдана было понято без слов: «Жди. Всё хорошо». Хотя ничего хорошего в этом тёмном пороге не чувствовалось.

Он переступил через порог, и холод, иной, чем снаружи, — сухой и затхлый, как в погребе, — обнял его. Внутри храма пахло воском, ладаном, старой пылью и чем-то кислым, будто прокисшим квасом.

Молодой странник двинулся вглубь. По бокам, как скелеты плывущих ладей, в сумраке выстраивались грубые деревянные лавки. Их тёмные бока были исчёрчены зарубками и потёрты до блеска локтями многих поколений. Шаги гулко отдавались по половицам.

Они подошли к алтарю — простому возвышению из тёмного дуба. Здесь по утрам, в седьмой день недели, отец Елифан вещал о Едином Боге Пламени. Сейчас алтарь был пуст, лишь на столе лежала тяжёлая, окованная железом книга, а на стене за ним мерцала в свете лампады икона — лик святого с суровыми, выжженными глазами, в руках он держал языки стилизованного пламени. Краска вокруг его нимба покрылась трещинами и тёмным, сажистым налётом, будто от дыма множества свечей. Или от чего-то иного.

— Ты видишь, чадо, как скорбит паства наша? — начал Елифан, и его голос внутри храма звучал иначе — приглушённо, интимно-угрожающе. — Не урожай один тощал. Не хворь одна скот морила. Беда иная, пострашней, в Залесье приключилась. Он сделал паузу, давая словам впитаться в темноту. — Дитяток малых похищают. Трое уж сгинули за ущербную луну. И следов нет, словно их ветром унесло. Или… тёмная сила в землю утянула.

Богдан, чувствуя, как холодная тяжесть оседает в животе,

кивнул.

— Слышал я об этом, отец. В таверне говорили.

— Слышал? — Елифан прищурился, и в его глазах мелькнул быстрый, как уж, интерес. — А слыхал ли, кто виновник окаянный? Кто души невинные на погибель ворожит? Он не стал ждать ответа, ударив костлявым пальцем в сторону стены, за которой чудился лес. — Колдунья. На холме у леса, гнездо свила. Там и живёт, ядом да чарами землю нашу отравляет. Детей, поди, на жертву тёмным силам приносит!

Слова падали, как капли раскалённого олова. Но сквозь них Богдан ясно слышал другое — звонкую, отчаянную нужду. Он вспомнил пустую котомку, последние медяки, отданные за хлеб, похлёбку и ночлег. Вспомнил, как Чаромут сегодня припадал на лапу. Деньги. Им нужны были деньги на дорогу.

— Избавиться от неё надо, — продолжал священник, понизив голос до сокровенного шёпота. — Ради чад малых, ради всех добрых людей Залесья. Сделаешь богоугодное дело — и народ тебя благословит. И… не останешься в накладе.

Его рука исчезла в складках рясы и появилась снова, разжав кулак. На ладони лежали монеты. Княжеской чеканки, стёртые, но тяжёлые и настоящие. Они тускло блеснули в

свете лампады.

— Награда. За голову ведьмы. Две гривны.

Богдан смотрел на монеты. И чувствовал, как в груди что-то сжалось. Не жадность. Что-то другое. Тяжёлое. Липкое. Как будто он уже согласился.

Две гривны. Еда. Ночлег. Переправы. Может, лошадь. Может, ещё один месяц пути. Деньги, которых у него не было. Деньги, которые решали всё.

— Возьмёшь — когда принесёшь доказательство, — сказал Елифан мягко. — Не раньше.

Он убрал монеты. Медленно. Давая насмотреться. Давая запомнить. Давая захотеть.

Богдан вышел из храма. Ночь встретила холодом. Чаромут ждал у крыльца.

— Что он сказал?

Богдан молчал. Смотрел в темноту. Потом сказал:

— Две гривны. За голову ведьмы.

Чаромут долго молчал.

— И что ты решил?

— Я решил выслушать её, — сказал Богдан. — Прежде чем решать остальное.

Глава IV

Рассветное марево не принесло облегчения. Из корчмы они вывалились не шагом, а какой-то влажной, неохотной глыбой, будто сама усталость прилипла к сапогам и тянула в сырую землю. Воздух, однако, был не спящий. Деревня, вопреки нищете и страху, жила — упрямо, громко, пахуче.

Солнце, робкое и косое, цеплялось за островерхие крыши, вытягивая из мокрых двориков звонкий смех. Ребятишки, чьи братья и сестры ещё не сгинули в ночи, гоняли по грязи щенят, и визг их был таким же чистым и острым, как сверкающие на траве капли. Девки, румяные от печного жара, несли на берестяных плошках пироги — от них валил густой, пшеничный дух, смешанный с грибной глухой сытностью и кислой капустой.

Аромат ударил в ноздри, жирный и нестерпимо вкусный. Богдан почувствовал, как у него внутри всё сжалось и заурчало пустотой, похлеще любой раны.

— С капустой… и грибами… — мысль, пришедшая от Чаромута, была не просто словами. Она была полна таким почти физическим, сладострастным страданием, что Богдан сам глотнул слюну. Пёс стоял, закрыв глаза, и его чёрные

ноздри трепетали, ловя каждую уносящуюся молекулу.

— Лучше молчи, — пробормотал Богдан, не столько упрекая, сколько констатируя факт. Его собственная тощоба была тяжёлым, холодным камнем под ребром. Он поправил на поясе меч, и этот привычный жест уже не придавал уверенности, а лишь напоминал: в его котомке — крохи сухарей, а в кошельке — пыль и стыд. — Не на что нам еду покупать. Не на что.

Они стояли возле яркого ручья деревенской жизни — два острых, тёмных камня. Один — в посконной, пропыленной одежде, с лицом, на котором бессонная ночь и тяжёлое решение вывели новые, жёсткие черты. Другой — тень с изумрудными глазами, в которых светился не голод, а древнее, терпеливое понимание этой бедности.

К ним подошла женщина. Та самая — чей взгляд вчерашней ночью был похож на мокрое шило, искавшее в Богдане хоть щель для надежды. Теперь при свете дня её лицо казалось вымытой глиной — серое, с кругами усталости под глазами.

— П-простите… — голос её был хриплым шёпотом, будто разорванной тканью. — Можно вас на пару слов?

Богдан кивнул, остановившись. Чаромут сел у его ноги, настороженно.

— Помню. Вы смотрели на меня после проповеди.

Женщина сжала руки, костяшки побелели.

— Милушка моя… до шестого дня нет. Ни слуху. — Она глотнула воздух, и это было похоже на стон. — Знаю… зачем он вас звал. Отец Елифан. Но вы… подумайте. Люди ещё помнят. То добро, что ведьмы с холма несли. Помнят…

Она внезапно, порывисто, схватила руку Богдана и вложила в ладонь три копейки. Они были тёплыми от её зажатого кулака.

— Не надо, — начал было Богдан, отводя руку, но женщина лишь сильнее сжала его пальцы вокруг монет. Её взгляд стал твёрдым.

— Верю. Верю, что вы поможете нам. — И отпустила руку, быстро отвернувшись, будто сделав что-то запретное, и растворилась меж изб.

Копейки жгли ладонь. Богдан сжал их.

— Голод — плохой советчик, но советчик настойчивый, — произнёс Чаромут, тыча носом в сторону рынка, откуда плыл тот самый, дразнящий запах.

На краю площади, где дымились жаровни и стоял гул, они нашли ту самую торговку. Богдан молча протянул монету. Взамен получил два пирога, тёплых, почти обжигающих ладони. Первый укус был взрывом вкуса — кислота капусты, глухой дух грибов, грубость ржаного теста. Он закрыл глаза на мгновение, и мир сузился до этого простого блага.

— А у парня, гляньте, денежки-то нашлись!

Тяжёлая рука с силой шлёпнула его по плечу, едва не выбив пирог. Богдан обернулся. Грач, Рыжий и Бугай стояли полукругом. Усмешки были кривыми, как зазубренные ножи.

— Не обижайся, земляк, — Грач бросил взгляд на пирог. — Просто радуемся за тебя. Значит, и нам скоро везение будет.

Они прошли мимо, к торговке. Рыжий, похабно щёлкнув по деньгам, протянутым Грачом, громко спросил:

— А что, тётка, так охочи все до этой княжны? Чем она так уж важна?

Торговка, бочком поглядывая на могучие плечи Бугая, буркнула:

— Да уж… Слух идёт, невеста-то из Седогорья. Неспроста

всё.

— Из Седогорья? — передразнил её Бугай тупым тоном. — Ну, теперь всё ясно!

Троица грубо рассмеялась и двинулась прочь, растворяясь в толпе.

— Что за Седогорье? — немедленно спросил Чаромут, когда они отошли.

Богдан доел пирог. Вытер ладонью рот. Вкус уже был с горечью — не от еды. От мыслей.

— Княжество, — сказал он тихо. — Северное. Из тех, что не склонились.

Он помолчал. Потом добавил, понизив голос:

— Если верить «Летописи Забытых Лет» Нестария, несколько сотен лет назад наш князь, Святополк Великий, огнём и мечом собрал разрозненные земли в один кулак. Черноборье. Но Седогорье — одно из немногих — не сдалось. Зацепилось за свои скалы.

Он посмотрел в сторону, куда ушли охотники. Туда, где

за деревьями угадывалась дорога.

— Теперь, — продолжил он, — если дочь их князя не вернуть живой, будет война. Не на жизнь. На сожжение.

Чаромут молчал. Смотрел на него. Ждал.

Богдан скомкал пустую тряпицу — ту, в которой был завёрнут пирог. Медяки в котомке звякнули. Чужим, тяжёлым звоном. Дорога на холм, к ведьме, теперь казалась не тропой к деньгам. А шагом над пропастью. Где внизу клубились уже не суеверия. А большая политика. И большая кровь.

— Пойдём, Чар, — сказал он тихо. — Выслушаем ту, что помнят добрым словом.

Он поднялся. Отряхнул колени.

— Прежде чем решать, что делать дальше.

Хижина на холме оказалась пустой. Дверь приоткрыта, внутри — прохлада запустения, запах сушёных трав и пепла. Никого.

— Что будем делать, Чудо-юдо пёс? Чуешь, где ведьма? — спросил Богдан. — Ты вроде как у нас чуешь магию?

Чаромут подошёл к двери. Принюхался. Чихнул. Принюхался снова. Походил вокруг хаты. Медленно. Обстоятельно.

— Не чую я ничего, — буркнул он наконец. — Кроме полыни. И чабреца. И ещё какой-то дряни, от которой в носу свербит. — Он сел. Почесал за ухом. — Пусто. Как в старом горшке.

Богдан присел на корточки. Раздвинул руками траву. Зелёную, густую, ещё хранившую утреннюю росу. Под ней — земля. Мягкая. И — следы. Слабые. Но читаемые. Он провёл по ним пальцем. Потом поднял взгляд.

— Уже не важно, — сказал он. — Я нашёл.

Он указал в сторону рощи. Небольшой, но плотной. Массивной. Тёмной. Она стояла за хижиной — как стена.

— Туда ведут. Бери след, чудо-пёс.

Чаромут внюхался в землю. У самого края следа. Потом — выпрямился. Кивнул. Молча.

Они двинулись в рощу. И она встретила их тишиной иного рода — густой, бархатной, полной скрытого внимания. Ни

ветра. Ни птиц. Только мягкий мох под ногами да тяжёлый, смолистый запах старой хвои.

— Думаешь, справишься с ведьмой-то? — разрезал тишину Чаромут. — Ты славный малый, но в драку вступать нам ещё не случалось.

— Если только она не начнёт меня гипнотизировать, — усмехнулся Богдан. — В деревне меня с малу тренировал отец. Бывалый воин как-никак. Поэтому…

— Стой.

Чаромут замер. Уши — торчком. Нос — к земле.

Богдан остановился. Прислушался.

— Я тоже слышу, — сказал он тихо. — Это… песня?

Из глубины рощи лилось пение. Красивое. Девичье. Тонкое, как утренний свет. Казалось, что играет музыка — но инструментов не было. Только голос. Живой. Тёплый. Настоящий.

А потом песня сменилась криком.

Богдан сорвался с места. Меч — из ножен. Чаромут — за ним. Лапы — по мху. Ветки — по лицу. Они вылетели на поляну.

И увидели.

Средних размеров медведь. Бурый. Мохнатый. Медленно подходил к девушке. Молодой. Черноволосой. Она пятилась. Медленно. Не делая резких движений. Глаза — огромные. Но не от страха. От расчёта. Как будто она знала, что делает.

Медведь встал на задние лапы. Зарычал. Глухо. Низко.

Богдан не думал. Прыгнул между ними. Встал на носки — чтобы казаться выше. Выставил меч. И закричал. Во всю глотку. Размахивая клинком.

Чаромут рядом. Лай как выстрелы. Яростный. Бешеный.

Медведь опустился на все четыре. Посмотрел на них. На девушку. Опять на них. На морде — досада. Обида. Зверь мотнул головой. Повернулся. И побрёл прочь. Тяжело. Неспешно. Как будто делал одолжение.

— Благодарю, храбрый юноша, — черноволосая девушка встала. Отряхнула платье. Простое. Льняное. Тёмное. — И

ещё раз благодарю за то, что не стал сразу нападать на животное.

Богдан убрал меч в ножны. Медленно. Спокойно.

— Сражаться с медведем глупо, — сказал он. — В своей деревне я занимался охотой. И знаю: с медведем проще всего — встать на месте и кричать. Есть шанс, что зверь испугается.

— Ну, я уж точно испугался, — буркнул Чаромут, подойдя ближе. — Надеюсь, больше мы не будем выскакивать медведям под морды. У меня, знаешь ли, сердце не казённое.

Богдан хмыкнул. И краем глаза заметил, как девушка еле заметно улыбнулась.

— И как же зовут моего спасителя? — она с хитрой усмешкой посмотрела на Чаромута. — И его храброго пса?

— А она мне уже нравится, — довольный Чаромут уселся на мох, вывалив язык.

Богдан поправил ремень поясной сумки.

— Это Чаромут. А я — Богдан.

— Сын Игната, из Заречья, — перебила его девушка и вдруг звонко, совсем не по-лесному, расхохоталась.

Смех у неё был чистый, как ручей, и совершенно не вязался с темнотой вокруг. Богдан даже опешил, не зная, обижаться ему или нет.

— Прости, — она махнула рукой, унимая смех. — Я вчера была в деревне. Видела твоё… выступление перед толпой. Громко ты про княжну сказал. И про награду.

Она сделала шаг вперёд. Ветер шевельнул подол её простого платья, и Богдан уловил странный, терпкий запах — полынь, сушёные травы, дым.

— И, кажется, я догадываюсь, зачем ты пришёл на этот холм, — закончила она, глядя ему прямо в глаза.

Богдан внутренне напрягся.

Чаромут перестал улыбаться и медленно поднялся на лапы. Пёс шумно втянул воздух и тихо рыкнул:

— Она пахнет травами из хижины. Это она.

Богдан сжал рукоять меча, но не вытащил его. Только посмотрел на девушку внимательнее.

— Выходит, ты и есть ведьма с холма? — спросил он прямо.

Девушка склонила голову набок, и в её глазах — тех самых, изумрудно-зелёных — заплясали бесенята.

— Для начала хочу поговорить, — Богдан указал взглядом на два лежащих рядом валуна с костром посередине, будто специально созданных для посиделок. — Как тебя звать? И поведай мне свою историю.

Девушка посмотрела на него долгим взглядом, словно взвешивая, достоин ли он правды. Потом медленно подошла и опустилась на холодный камень. Богдан сел напротив. Чаромут устроился у его ног, положив морду на лапы, но уши его были настороженно подняты.

— Леся, — сказала она наконец.

Голос у неё был ровным, но в нём звенела застарелая, въевшаяся в кости усталость.

Она начала рассказ. Не жаловалась, не плакала. Просто

говорила, глядя куда-то сквозь Богдана, в темноту леса.

— Мы жили на этом холме испокон веков, — тихо сказала Леся, поднимая с земли сухую ветку. — Не отшельницами. Деревня дышала нами. Люд со всей округи шёл за помощью. Мать и старшие сёстры заговаривали кровь, лечили скот от мора, плели обереги, что хранили мужей на войне. Мы были частью этой земли. Её корнями. — Она переломила ветку и бросила в костёр. — Мы никому не желали зла. Просто жили рядом.

Богдан слушал молча. Лицо его окаменело. Он знал эту историю. Слишком хорошо знал. В его родном Заречье так же сожгли старуху-травницу.

— А потом пришло Пламя, — продолжила Леся. — Новая вера. Слуги Огня и Железа не терпели инакомыслия. Не терпели конкуренции. Для них не было других богов. Была только их истина.

Она замолчала. Чаромут, лежавший у её ног, тихо, протяжно вздохнул. Пёс поднялся, подошёл и ткнулся холодным носом в её ладонь. Девушка вздрогнула, но не отстранилась. Напротив, её пальцы крепко вцепились в густую чёрную шерсть, словно искали опору.

— Они пришли ночью. С факелами. С топорами. — Голос Леси стал жёстким, как сухая земля. — Мать и сестёр… их сожгли прямо во дворе. Сожгли всё, что мы строили годами.

— Как ты выжила? — хрипло спросил Богдан, не отрывая от неё взгляда.

— Влада. Девушка из деревни. — Леся прикрыла глаза. — Она почуяла беду. Прибежала к нам за час до того, как небо озарилось заревом. Мать успела сунуть мне в руки узел и родовую книгу. Вытолкала за дверь. Влада схватила меня на руки и утащила в лес. Я слышала, как они кричали. А потом обернулась… и увидела, как огонь поднимается выше деревьев.

Богдан медленно выдохнул, разжимая невольно сжавшиеся кулаки.

— Влада сдержала слово, — уже мягче продолжила Леся. — Растила меня как дочь. Учила тому, что знала сама. Благодаря ей я не сошла с ума от горя и не забыла, кто я есть. Шли годы. Церковь притихла, люди начали забывать. А потом старик, что жил на этом холме, почувствовал, что умирает. Он оставил мне эту хату. Я обжилась. Думала, что всё позади.

Она открыла глаза и посмотрела прямо на Богдана. В её изумрудном взгляде не было ни жалости к себе, ни страха. Только усталая, холодная ярость.

— А потом пришёл отец Елифан. Объявил деревне, что ведьма прокляла их. Что это из-за меня пропадают дети. Ему нужен был враг, чтобы держать людей в узде. — Она усмехнулась, но вышло это горько и зло. — И часть поверила. А часть всё равно ходит ко мне по ночам. Потому что их бог молчит, а я — лечу.

Леся замолчала. Ветер швырнул в костёр горсть сухих листьев, и пламя на миг вспыхнуло ярче, осветив её бледное, осунувшееся лицо.

— Вот и вся моя история, Богдан, сын Игната, — она выпрямилась. — Теперь ты знаешь, за что тебе предлагают награду. За мою голову. За последнюю из ведьм с холма.

Богдан молчал. Слова застревали в горле.

— Мне так жаль, — вдруг тихо подал голос Чаромут. — Пережить такой кошмар и всё ещё помогать людям, которые в тебя плюют. Для этого нужно очень большое сердце.

Леся вздрогнула. Её взгляд метнулся от костра к чёрному

псу.

— Спасибо, пушистик, — она слабо, но искренне улыбнулась.

Богдан и Чаромут синхронно повернулись к ней. Если пёс просто навострил уши, то Богдан смотрел на девушку так, будто она только что превратилась в камень.

— Ты… понимаешь его? — ошарашенно спросил он. — Слышишь, что он говорит?

— Конечно, — Леся склонила голову набок, касаясь пальцем подбородка. В её глазах промелькнула хитрая искра. — Мать говорила, что наш род уходит корнями к очень древней крови. К какой-то могущественной ведьме. Поэтому я чувствую магию… и тех, кто ею дышит. — Она внимательно посмотрела на пса. — Твой спутник ведь не обычный зверь.

Чаромут довольно фыркнул и посмотрел на Богдана с видом полного превосходства.

— Ну наконец-то, — пробормотал пёс. — Хоть кто-то здесь не считает меня просто глупой дворнягой.

— Ага, блин — усмехнулся Богдан. — Чудо-юдо пёс.

Леся внимательно посмотрела на Богдана.

— И ведь в тебе я тоже чувствую магию, — Леся положила руку на грудь Богдана. — В твоей крови протекает магия, но пока она дремлет. А ну-ка пошли, кое-что попробуем.

Леся отвела Богдана за руку поглубже в Рощу. Они уселись на полянке возле старого дуба. Он протянул ладонь. Леся накрыла её своей — холодной, шершавой от трав.

— Научим тебя азам. Выпускать искру. Закрой глаза. Вспомни… жар собственной крови. Тёплую струю у сердца. Поймай её и веди… не к коже, а сквозь кожу. Будто твоя воля — это огниво, а дух — кремень.

Богдан сжал веки, пытаясь сосредоточиться. Внутри была лишь темнота и пульсация в висках.

— Не выходит, — пробормотал он.

— Потому что ты пытаешься сделать. Не делай. Представь. Ощути. Магия же часть тебя. Как дыхание.

И тут Богдан почувствовал. Не жар, а лёгкое, едва заметное покалывание где-то в глубине груди, будто свернувшая-

ся в клубок искра.

— Чувствую! — вырвалось у него.

— Теперь веди. Медленно. Вдоль руки. Как будто катишь по тропинке мячик.

Он повёл. Ощущение было странным, будто внутри кости тянулась невидимая, тёплая струйка. Она ползла к локтю, к запястью…

— Теперь отпусти. Но не в воздух. В точку между большим и указательным пальцем. И скажи…

Она наклонилась и прошептала на ухо короткие слова заговора:

«Как молния в туче таится, так искра в моей длани родится!»

Богдан, не открывая глаз, повторил шёпотом. И в тот же миг на его ладони, с тихим, сухим щелчком, вспыхнули три ярко-красные искры. Они прожили мгновение и погасли, оставив на коже лёгкое, приятное пощипывание, как от крапивы.

Он распахнул глаза, поражённый.

— Получилось!

— Это только начало, — усмехнулась Леся. — Сила не в яркости, а в самой возможности. Слова нужны лишь для того, чтобы удержать воображение. Потренируешься — и сможешь колдовать без них. А теперь попробуй сам.

Вторая попытка выдавила из него лишь одну чахлую искру, которая умерла, не успев блеснуть.

— Не выходит, — выдохнул Богдан, разочарованно опуская руку.

— Погоди, — Леся нахмурилась, нырнула рукой в холщовую сумку и достала пузатую тёмную склянку. — Выпей это. И попробуй снова.

— Это… что? — Богдан взял склянку и недоверчиво принюхался. — Я от этого не помру?

— Не помрёшь, дурень, — фыркнула Леся. — Это отвар из разрыв-травы и зверобоя. Он помогает усилить проводимость магии. Не все проводники могут колдовать вот так, из ничего. Отвары на время открывают эту дверь.

Богдан выпил содержимое за один глоток, скривившись от дикой горечи. И снова попробовал повторить заклинание. На этот раз его ладонь озарилась целым снопом алых искр. Они кружились, танцевали в воздухе и погасли лишь тогда, когда Богдан, затаив дыхание, опустил руку.

— Молодчинка, — кивнула Леся, и в уголках её губ промелькнула тёплая улыбка. — Искра сама по себе — не оружие. Но она зажжёт то, что гореть готово. Трут, масло, сухую траву. В бою от неё мало толку, а в пути — вещь незаменимая.

— Спасибо, Леся. — Богдан искренне посмотрел в глаза ведьме. — Большое спасибо. Я выясню, что стало с детьми, и мы обелим твоё имя.

Леся кивнула и отступила на шаг, сметая с колен невидимые соринки.

— А насчёт княжны твоей… — она задумчиво потерла подбородок. — Были у матери книги. Со старым ритуалом ворожбы. Поищу, сделаю, что в силах, чтобы путь твой яснее стал. А пока — можете остаться на ночь в моей избе. На печи места хватит. Не в грязной корчме же вам ночевать.

Когда Богдан поднял голову, роща уже тонула в сизых сумерках. Длинные тени от стволов легли на землю, сливаясь в одну бархатную прохладу. Он и не заметил, как день склонился к закату. Чаромут спал, свернувшись в тёмный клубок у корней белой ивы, и лишь лёгкое подрагивание уха выдавало его чуткий сон.

Богдан подошёл и коснулся его тёплого загривка.

— Пошли в дом, друг. Сегодня ночуем под уютной крышей.

Глава V

Утро встретило их шумом. Деревня просыпалась, жила своей обычной жизнью. На рынке снова витал густой, дразнящий запах свежих пирожков и жареного мяса. Но на этот раз желудки двух друзей были не пусты — Леся заботливо накормила их горячей кашей и травами, прежде чем выставить за дверь, напутствуя перед ритуалом ворожбы.

— Так, — Богдан упер руки в бока, оглядываясь по сторонам. — Нам нужно найти пропавших детей. Можешь что-нибудь учуять? Как тогда, у хижины Леси.

Чаромут принюхался, втягивая в себя воздух. Нос его судорожно дернулся, уши прижались к голове.

— Апчхи! — черный пес смачно чихнул, тряся башкой. — Бесполезно, Богдан. Это же деревня. Тут сотни запахов. От прокисшего молока до отхожего места у вон той хаты. Я в этом месиве нужный след не найду. Он забился, как иголка в стоге сена.

Богдан задумчиво почесал затылок.

— А если мы… — протянул он. — Найдем какую-то вещь

пропавшего ребенка? Что-то, что он носил. Тогда ты сможешь взять чистый след?

— Думаю, да, — кивнул пес. — Если вещь не трогали чужие руки.

Расспросив пару сельчан, Богдан выяснил, где живет мать пропавшей Милушки. Дом стоял на отшибе, у самого плетня — низкая, покосившаяся изба с забитыми наглухо окнами. Казалось, сама жизнь здесь затаилась от горя.

Тук-тук-тук.

Богдан постучал в дверь. За ней послышалась тяжелая, шаркающая походка. Засов скрипнул, и дверь приоткрылась на ширину ладони. На пороге стояла женщина. Лицо у нее было серым, как выстиранное полотно, а глаза ввалились от бессонных ночей.

— О милок! — хрипло выдохнула женщина, распахивая дверь шире. — И черный спутник твой. Входите, входите. Нечего на пороге стоять.

Друзья переступили порог. Внутри было на удивление чисто и уютно. Пахло сушеными травами, воском и свежим хлебом. На столе горела свеча, отбрасывая дрожащие тени

на бревенчатые стены.

— Что привело тебя, юноша? — спросила женщина, присаживаясь на лавку. — Как погляжу, с Лесей ты уже познакомился. От вас обоих пахнет её избой. Травами да полынью. Ни с чем не спутаешь.

Богдан переступил с ноги на ногу.

— Мы ищем пропавших детей, — начал он, не видя смысла ходить вокруг да около. — Я обещал Лесе, что разберусь, кто за этим стоит. И обещал очистить её имя от этих обвинений.

Он помолчал, разглядывая женщину.

— Вы так спокойно о ней говорите. Не боитесь? Деревня ведь готова на костёр её отправить по слову отца Елифана.

Женщина горько усмехнулась и тяжело вздохнула.

— Глупцы они. И Елифан этот — глупец, что в рясе. — Она посмотрела на Богдана, и в её глазах блеснула материнская гордость. — А Леся… Леся ведь мне как дочь.

Влада перевела взгляд на огонь в печи.

— Когда она набралась ума да знаний от старых книг, что остались от её матери… Она меня от бесплодия исцелила. Отшептала, травами отпоила. — Женщина улыбнулась, но улыбка вышла печальной. — Это она подарила мне Милушку. Мою кровиночку. А теперь… теперь её саму хотят сжечь за то, что она другим жизнь дает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.